

Р. Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Чингизидское право — *ius commune* средневековой Евразии

Резюме. В статье предпринимается попытка характеристики права Монгольской империи, впоследствии действовавшего в ее улусах (которое автор предлагает условно называть чингизидским правом), как своего рода общего права (*ius commune*) средневековой Евразии. Возникнув как правовая система, регулирующая отношения в самой крупной степной империи в мировой истории, чингизидское право оставалось востребованным и после распада державы Чингисхана в государствах, которыми правили его многочисленные потомки. Источники, принципы и институты чингизидского права продолжали применяться и в государствах, считавшихся прямыми преемниками Монгольской империи или ее улусов, и в тех, которые в свое время находились в зависимости от Чингизидов, причем порой сохранялись в них даже после прихода к власти правителей, которые противопоставляли себя своим монгольским предшественникам. Автор выявляет основные государственные и правовые институты чингизидского права, которые обеспечивали единство правового пространства на территории средневековой Евразии, позволяя представителям разных государств находить точки соприкосновения, общаться на одном юридическом языке и пр. Речь идет о единых принципах правотворчества, административной и судебной практики, об использовании одних и тех же источников права, институтов в сфере управления, налогообложения и пр. Отражением статуса чингизидского права как *ius commune* на евразийском пространстве можно также считать заимствование отдельных его институтов в правовой практике государств, сохранявших собственные правовые системы даже в эпоху монгольского правления, в частности в Московской Руси.

Ключевые слова: общее право; *ius commune*; Монгольская империя; Золотая Орда; имперское законодательство; традиционное право; степные империи; ханские ярлыки; средневековая Евразия; традиционный суд и процесс; мусульманское право; право Московской Руси

Для цитирования: Почекаев Р. Ю. Чингизидское право — *ius commune* средневековой Евразии. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 9. С. 130–141. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.130-141

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, на базе Воронежского государственного университета.

Chinggisid Law — The *Ius Commune* of Medieval Eurasia

Roman Yu. Pochekaev

National Research University «Higher School of Economics»
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article seeks to characterize the legal system of the Mongol Empire, which continued to operate in its successor uluses (termed here provisionally as Chinggisid law), as the *ius commune* of medieval Eurasia. Chinggisid law originated as the legal framework for the largest steppe empire in history and retained its relevance even after

the collapse of Chinggis Khan's empire, continuing to be applied in states governed by his numerous descendants. Chinggisid law's sources, principles, and institutions remained in use in both the direct successors of the Mongol Empire (or its uluses) and former vassal states. In some cases, these legal elements endured even under rulers who explicitly distanced themselves from their Mongol forebears. The author highlights the core state and legal institutions of Chinggisid law, which underpinned a unified legal space in medieval Eurasia and allowed officials from different polities to interact using a common legal framework. These included consistent principles of law-making and of administrative and judicial practice, shared legal sources, and similar institutions for governance, taxation, etc. The role of Chinggisid law as the region's *ius commune* is further evidenced by the borrowing of some of its institutions by states that retained their own legal orders under Mongol rule — notably, Muscovite Rus'.

Keywords: common law; *ius commune*; Mongol Empire; Golden Horde; imperial legislation; traditional law; steppe empires; khan's iaryks; medieval Eurasia; traditional court and process; Muslim law; law of Muscovy

Cite as: Pochekaev RYu. Chinggisid Law — The *Ius Commune* of Medieval Eurasia. *Lex russica*. 2026;79(9):130-141. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.130-141

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, and carried out at Voronezh State University.

Введение

Термин «общее право» в современном мире чаще всего ассоциируется с системой права Англии, основанного на многочисленных судебных прецедентах различного происхождения. Второе, менее распространенное, но также достаточно часто используемое значение этого термина — «римский закон», т.е. римское право, начиная с эпохи раннего Средневековья востребованное в праве европейских стран и народов¹. Римское право имело субсидиарный характер по отношению к собственному праву европейских стран, регионов и народов. При этом наиболее важной, на наш взгляд, его характеристикой является именно его интеграционная функция, позволяющая представителям разных государств и народов (правителям и частным лицам) находить точки соприкосновения и эффективно взаимодействовать в правовой сфере.

Именно в таком значении мы намерены рассмотреть систему права Монгольской империи, которая в дальнейшем получила распространение в ее улусах, т.е. государствах, которые после монгольских завоеваний попали под власть потомков Чингисхана. Мы предлагаем эту совокупность источников, правовых институтов, принципов и норм монгольского имперского права условно назвать «чингизидское право». Ни в коей мере не пытаюсь ставить указанное право на одну доску с римским по степени развития, значению и продолжительности применения, мы тем не менее полагаем,

что оно сыграло сходную роль на евразийском пространстве в эпоху Средневековья и даже до некоторой степени Нового времени. Соответственно, целью данной статьи является выявление общих тенденций и приведение конкретных примеров применения чингизидского права в качестве *ius commune* в большинстве государств и регионов средневековой Евразии.

Целесообразно отметить: несмотря на то что правовые аспекты истории Монгольской империи и государств — ее наследников достаточно широко изучаются специалистами в течение длительного времени, среди исследований по данной тематике практически отсутствуют работы правоведов. Таким образом, актуальность настоящего исследования состоит среди прочего и в исследовании феномена чингизидского права как *ius commune* средневековой Евразии в историко-правовом аспекте, в том числе с использованием соответствующих методов исследования — формально-юридического, сравнительно-правового и др.

Чингизидское право на евразийском пространстве

Казалось бы, основной предпосылкой для становления чингизидского права в качестве единой правовой системы в Евразии могли стать политические и военные события первой половины XIII в. — собственно монгольские завоевания, в результате которых возникала Монгольская империя на обширном пространстве

¹ См., например: Аннерс Э. История европейского права : пер. со швед. М. : Наука, 1994. С. 175–178.

от Дальнего Востока до Центральной Европы и Ближнего Востока. По определению монгольское имперское право должно было признаваться в качестве системы норм, обладавших высшей юридической силой, а право покоренных народов (обычное, религиозное и пр.) не должно было противоречить этим нормам.

Впрочем, вряд ли чингизидское право сумело бы на практике приобрести статус общего права без эффективного применения его норм на практике, тем более что Монгольская империя как единое централизованное государство прекратила свое существование в 1260-х гг., а ее отдельные улусы, приобретая фактическую самостоятельность, пошли собственными путями развития, в том числе и в правовом отношении, с учетом своих региональных особенностей и международных связей. Однако имперское единство формально сохранялось еще как минимум в течение столетия после фактического распада империи². И именно чингизидское право в значительной степени способствовало его поддержанию, поскольку, испытав политический распад, улусы Чингизидов, а также и вассальные государства сохранили и продолжали применять одни и те же источники, принципы и нормы права.

Безусловно, не приходится говорить о полной идентичности правовых систем (и в более широком смысле — правовых культур) таких государств, как империя Юань в Китае, Золотая Орда, монгольский Иран и Чагатайский улус в Средней Азии. Однако основные институты государственности и права в них были одними и теми же, и это обеспечило те же самые точки соприкосновения между ними, какие обеспечивало римское право в качестве *ius commune* в средневековой Европе.

Прежде чем приступить к анализу содержательной части чингизидского права в качестве общего права средневековой Евразии, необходимо формально определить круг его источников.

В первую очередь это были установления и распоряжения Чингисхана, которые оглашались на разных этапах его правления и при разных обстоятельствах. Впоследствии преемники основателя Монгольской империи объявили совокупность его указов Великой Ясой, т.е. базовым источником права, на котором должно было основываться все последующее имперское законодательство. Многолетнее (и при этом ошибочное) представление о Великой Ясе как о всеобъемлющем «своде законов Чингисхана», якобы записанном и постоянно использовавшемся его потомками, было убедительно, на наш взгляд, опровергнуто рядом исследователей второй половины XX — начала XXI в.³ Анализ сведений о Ясе Чингисхана позволяет сделать вывод, что самим его потомкам было невыгодно фиксировать какие-либо его нормы. Гораздо полезнее для них было позиционировать себя как знатоков Ясы и под предлогом ее толкования вводить в действие новые нормы, актуальные здесь и сейчас, а не во времена Чингисхана.

В результате со временем Великая Яса приобретала все более абстрактный характер; к концу XIII — началу XIV в. потомки Чингисхана даже перестали себя утруждать изобретением новых правовых положений, которые можно было бы выдать за волеизъявления основателя Монгольской империи. Правители чингизидских государств, издавая свои ярлыки, просто подчеркивали, что они базируются на Ясе, и поэтому их надо соблюдать⁴. Таким образом, именно ханские ярлыки в улусах Монгольской империи стали основным источником чингизидского права. А правовые акты региональных наместников и судебная практика не должны были противоречить ханским ярлыкам, коль скоро они базировались на Ясе Чингисхана.

Собственно такой подход и способствовал появлению феномена «чингизизма», который советский исследователь В. П. Юдин характеризовал как «новую религию монголов»⁵. Однако, как представляется, это в гораздо большей сте-

² См. подробнее: Почекаев Р. Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015. С. 10–19.

³ См., в частности: Morgan D. O. The «Great Yasa of Chingis Khan» and Mongol Law in the Ilkhanate // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1986. Vol. XLIX. No. 1. P. 163–176.

⁴ См., например: Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. О статусе судей в Монгольской империи и ее улусах в XIII–XIV вв.: опыт междисциплинарного исследования // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2024. № 90. С. 87.

⁵ Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / факсимиле, пер., транскр., текстол. прим., исслед. В. П. Юдина; коммент. и указ. М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. С. 16.

пени была политическая и правовая идеология, в основе которой лежали почитание духа Чингисхана, следование Ясе и ряд других принципов и положений, которые мы и проанализируем далее.

Первый и, пожалуй, самый главный компонент «чингизизма» и, так сказать, государственного чингизидского права представлял собой монополию рода Чингисхана на власть. Он распространялся на весь *Rax Mongolica*, т.е. Монгольскую империю и ее улусы, и состоял из двух основных постулатов:

- только прямые потомки Чингисхана по мужской линии обладали правом на верховную власть и ханский титул;

- они имели право занимать престол в любом государстве, возникшем на пространстве бывшей Монгольской империи⁶.

Известны многочисленные примеры, отражающие действие данного принципа на практике.

Так, на троне Золотой Орды за время ее существования побывали представители как минимум пяти ветвей рода Джучи, старшего сына Чингисхана и формального основателя этого государства, происходивших от пяти его разных сыновей; особенно ожесточенное соперничество названных ветвей проявилось во время гражданской войны, которую русские летописцы образно называли «Замятней великой»⁷. На троне Казанского ханства — одного из государств-преемников Золотой Орды — за менее чем 100 лет его существования побывали представители нескольких ветвей Джучидов: потомки первого казанского хана Улуг-Мухаммада, а также выходцы из Астраханского, Крымского и Сибирского ханств⁸.

Но мы говорим об одном государстве и, в принципе, разных ветвях одной династии, тогда как имели место примеры и более радикального применения данного принципа.

Так, потомки Джучи, т.е. выходцы из Золотой Орды, в начале XVI в. завоевали Среднюю Азию, которая официально принадлежала потомкам Чагатая (второго сына Чингисхана), и основали в ней два ханства — Бухарское и Хивинское, которые просуществовали до начала XX в.⁹ В XVIII в. на трон Хивинского ханства претендовала еще одна ветвь потомков ханов Золотой Орды — казахские Туга-Тимуриды¹⁰.

Но, пожалуй, самый яркий и вместе с тем несколько экзотический пример действия принципа монополии Чингизидов на власть — это судьба потомков Угедэя (третьего сына Чингисхана). Сам он стал первым преемником своего отца на троне Монгольской империи, но уже в середине XIII в. другие ветви рода Чингизидов официально лишили его потомков права на ханскую власть, оставив им лишь небольшой удел на Памире, большей части которого они, впрочем, тоже лишились уже в начале XIV в. в результате междоусобиц потомков Чингисхана. Однако именно «безудельные» потомки Угедэя в XIV в. становились претендентами на трон монгольского Ирана (официально принадлежавшего потомкам Тулуя — четвертого сына Чингисхана), Чагатайского улуса, а в начале XV в. — и Монгольского ханства (официально являвшегося также владением потомков Тулуя)!¹¹

Уже приведенные примеры позволяют говорить об общем характере рассматриваемого принципа на пространстве средневековой Евразии. И поскольку всё это пространство принад-

⁶ См. подробнее: Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. СПб. : Евразия, 2017. С. 65–66, 105–111.

⁷ Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. М. : Нумизматическая литература, 2002. Т. 3. С. 17–26.

⁸ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций : Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М. : Инсан, 1996. С. 539–621.

⁹ Семенов А. А. Шейбани-хан и завоевание им империи тимуридов // Труды Академии наук Таджикской ССР. Т. XII. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. I. Сталинабад : Изд-во Академии наук Таджикской ССР, 1954. С. 39–83.

¹⁰ Темиргалиев Р. Казахские Чингизиды на престоле Хивинского ханства // Материалы международной научно-практической конференции «Мәңгілік Ел», посвященной 550-летию Казахского ханства (11 сентября 2015 г.). Астана : Мемлекет тарихы институты, 2016. С. 282–299.

¹¹ См. подробнее: Почекаев Р. Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии / 2-е изд., испр. и доп. Казань : Татарское книжное изд-во, 2022. С. 78–90.

лежало потомкам Чингисхана, то, естественно, правоотношения в нем должны были регулировать вышеперечисленные источники чингизидского права.

Что касается самой Великой Ясы, на которую ссылались в своих распоряжениях и действиях потомки Чингисхана, то ситуация с ее применением была однозначной и в то же время противоречивой. Как уже было отмечено выше, эта совокупность установлений Чингисхана никогда не была четко зафиксирована — тем более в письменном виде, и действовала аксиома знания и соблюдения ее содержания Чингизидами, так сказать, «на генетическом уровне». Но практика приписывания основателю Монгольской империи норм, которые были актуальны для его потомков в конкретных политических и правовых ситуациях, порой приводила к тому, что разные Чингизиды могли выдавать за нормы Чингисхана прямо противоположные вещи.

Так, монгольский хан Хубилай (основатель империи Юань в Китае) настаивал на том, что он стал ханом в соответствии с Ясой, и любые попытки противостоять ему следует считать ее нарушением. В то же время его главный соперник Хайду в 1269 г. созвал своих приверженцев на курултай, на котором заявил, что именно Хубилай и является нарушителем Ясы, поскольку отказался от кочевого образа жизни, предписываемого заветами Чингисхана, и принял китайские традиции и обычаи¹².

Аналогичные примеры имели место и на уровне отдельных улусов. Так, в начале 1260-х гг. золотоордынский правитель Берке обвинил своего двоюродного брата Хулагу, ильхана монгольского Ирана, в том, что тот нарушил Ясу, не поделившись с ним трофеями

после завоевания Багдадского халифата. В свою очередь Хулагу обвинил Берке в том, что это он нарушил Ясу, попытавшись военным путем добиться восстановления своих прав¹³.

Таким образом, Великая Яса могла не только объединять, но и разделять Чингизидов за счет подобных «коллизий». Тем не менее нельзя не подчеркнуть, что они ссылались на один и тот же источник права, тем самым подчеркивая своего рода единство и единую правовую традицию на всем пространстве монгольской Евразии.

В отличие от Великой Ясы, ханские ярлыки оформлялись в письменной форме, и до нашего времени дошло значительное их количество от разных государств и исторических эпох — от Монгольской империи первой половины XIII в. до Бухарского и Хивинского ханств начала XX в. Названные документы неоднократно становились предметом исследования специалистов по чингизидской дипломатике, которые убедительно доказали, что эти ханские указы, обладавшие высшей юридической силой, на протяжении всего времени их применения имели общий формуляр (структуру), их составители нередко использовали одни и те же речевые обороты и т.д.¹⁴

Как следствие, ярлыки разного назначения широко использовались, а главное — признавались на территории не только того государства, правители которого их выдавали, но и других чингизидских владений. Например, правители и чиновники монгольского Ирана могли признавать проезжие грамоты золотоордынских ханов, и наоборот. А предписания ханов одних государств в судебной сфере могли приниматься во внимание судьями из других¹⁵.

¹² *Анналы Хубилая*, главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4–17 «Юань ши»). М. : Б. и., 2019. С. 103 ; *Biran M. Qaidu and the rise of the independent Mongol state in Central Asia*. Richmond : Curzon, 1997. P. 27–28.

¹³ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. : Изд. графа С. Г. Строганова, 1884. Т. 1 : Извлечения из сочинений арабских. С. 275.

¹⁴ См., в частности: *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1978 ; *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1979.

Конечно, это единство не означает, что в разных государствах Чингизидов ярлыки не могли иметь и определенную специфику как в формальном, так и в содержательном отношении, обусловленную особенностями развития каждого конкретного государства, иностранным влиянием и т.д.

¹⁵ Курьезным примером последней тенденции стало судебное разбирательство, имевшее место в Российской империи в начале XIX в. В городе Троицк (сейчас — в Челябинской обл.) умер бухарский купец, у которого осталась жена — русская подданная с детьми. Брат покойного, также бухарский подданный, объявил себя его правопреемником и, соответственно, опекуном его жен и детей. Для того чтобы подтвердить свои полномочия в суде, он добился получения от бухарского эмира ярлыка, которым тот пред-

Единство чингизидского права на территории средневековой Евразии нашло отражение также в функционировании одних и тех же административных институтов в Монгольской империи и ее улусах. Анализ состава адресатов ярлыков ханов Золотой Орды и монгольского Ирана и, например, источников более поздних Бухарского и Казахского ханств позволяет увидеть, что в них действовали такие чиновники, как даруги (они же баскаки или шихне), ясаулы, темники и пр.¹⁶ Безусловно, в разных государствах их статус и функции могли с течением времени значительно трансформироваться, однако сами институты сохранялись на протяжении столетий. Более того, обладание тем или иным чином в пределах одного государства могло сыграть определенную роль при взаимодействии его чиновников с представителями другого государства: последние сразу же получали представление о статусе своих контрагентов, делая выводы о том, на каком уровне с ними следует взаимодействовать¹⁷.

Чингизидское право регламентировало единую совокупность налогов, сборов и повинностей на всем пространстве Монгольской

империи¹⁸. В частности, во всех улусах от Китая династии Юань до монгольского Ирана и Золотой Орды взимались основные налоги (копчур и тагар), торговые налоги (тамга и тартанак), дорожные пошлины, акцизы и т.д. К повинностям, также распространенным на всем пространстве Монгольской империи, принадлежали ямская (содержание почтовых станций), караульная (обеспечение порядка и безопасности в округе населенного пункта), воинская и пр.¹⁹ Торговцы и иные представители одного чингизидского государства, прибывая в другое, прекрасно понимали, с какими именно обременениями налогового характера им предстоит столкнуться, и поэтому старались либо просто заранее рассчитать необходимые расходы, либо добиться от правителя налогового иммунитета в форме тарханного ярлыка.

В связи с этим следует упомянуть наряду с общими принципами налогообложения существование в чингизидских государствах также и единой системы налоговых иммунитетов. Во-первых, ханы всех улусов жаловали тарханство, т.е. освобождение от налогов и повинностей конкретных лиц, семейств или жителей

писывал оказывать данному торговцу всяческое содействие во вступлении в права наследования везде, где его брат вел дела, а именно в Бухарском ханстве, Казахской степи и... Российской империи. Естественно, когда купец попробовал установить опеку над русско-подданной женой своего брата и предъявил в русской судебной инстанции бухарский ярлык, этот документ был формально приобщен к делу (благодаря чему и дошел до нас), но, конечно, не оказал никакого влияния на принятие решение русскими судьями. См.: Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 45. Л. 19–20. Тем не менее, как видим, действия бухарского купца стали своего рода «инерцией» действия принципа экстерриториальности ярлыков ханов-Чингизидов и их преемников (бухарский эмир Хайдар, выдавший указанный документ, был представителем узбекской династии Мангыт и принадлежал к потомкам Чингисхана лишь по женской линии, однако сохранил практику издания ярлыков).

¹⁶ См., например: Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. «Дастур ал-катиб» как источник по истории государства, права и канцелярской культуры Золотой Орды (на примере ярлыка о назначении эмира улуса) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 4. С. 778; Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата : Наука, 1969. С. 26–27, 414; Памятники русского права. Вып. 3 : Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Госюрлитиздат, 1955. С. 465, 467, 469.

¹⁷ Например, сибирский хан Ибак в 1489 г. отправил посольство к московскому великому хану Ивану III, во главе которого стоял «базарский князь», т.е. руководитель ханской ставки — высокопоставленный придворный сановник. См.: Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1489–1508 гг.) / подгот. текста М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина. М. : Ин-т истории СССР АН СССР, 1984. С. 18.

¹⁸ Естественно, речь идет об «имперских» налогах в пользу ханской казны; налоги, предусмотренные религиозным правом в пользу служителей той или иной конфессии или обычным правом в пользу представителей местного самоуправления, этими ханскими указами не регламентировались.

¹⁹ Зограф И. Т. Монгольско-китайская интерференция: Язык монгольской канцелярии в Китае. М. : Наука, 1984. С. 97, 99, 101, 103, 105; Усманов М. А. Указ. соч. С. 233–246; Шаймарданова З. Д. Письма ильханской канцелярии XIII в.: продолжение научной полемики // Отан тарихы. 2014. № 1. С. 92–93.

определенных населенных пунктов²⁰. Во-вторых, со временем такой иммунитет стал распространяться не только на лиц, но и на владения, которые приобретали статус суюргалов — феодальных владений, освобожденных от налогов, а также административного и судебного вмешательства ханских администраторов. Изначально возникнув в Чагатайском улусе, данный институт со временем получил распространение в монгольском Иране и Золотой Орде²¹.

Еще один важный элемент чингизидского права как евразийского *ius commune* — регламентация института дзаргу (яргу), также базировавшегося на единых принципах во всех чингизидских государствах. Везде это были представители гражданской или военной администрации, обладавшие репутацией справедливых людей и знатоков права. И везде судебные обязанности являлись «дополнительной нагрузкой» по отношению к их основным служебным обязанностям. Юрисдикция таких судей распространялась и на вассальных правителей и даже на подданных иностранных государств. К тому же повсюду указанным судьям в силу их упомянутой репутации предоставлялось право широкого собственного усмотрения²². Именно поэтому вплоть до XVI–XVII вв. мы не сталкиваемся с чем-то похожим на уголовные кодексы ни в одном из чингизидских государств²³.

Как следствие, если какое-то государство из состава *Rex Mongolica* либо (что бывало чаще) его часть попадали под власть другого государя-Чингизида (обычно в результате завоевания), никакого радикального перестроения системы власти, управления и правового регулирования на этой территории не происходило. И под вла-

стью нового правителя подданные продолжали подчиняться таким же администраторам, разбирать дела у таких же судей и платить такие же налоги.

До сих пор мы говорили о единстве чингизидского права для тюрко-монгольских государств — преемников Монгольской империи, а затем — и ее улусов, тогда как в названии статьи фигурирует «средневековая Евразия». Ниже мы намерены показать, что такое право было *ius commune* и для других евразийских государств.

И конечно же, самый близкий для нас пример — это русские земли, в свое время находившиеся в зависимости от Золотой Орды. Вопрос об ордынском влиянии на развитие русского государства и права неоднократно исследовался специалистами, поэтому мы кратко упомянем лишь наиболее заметные и очевидные элементы чингизидского права, нашедшие отражение в отечественных правовых реалиях.

Прежде всего, в ордынский период на Руси имели действие ханские ярлыки, выдававшиеся князьям и церковным иерархам. Впоследствии сами же российские правители заимствовали из ордынской практики некоторые их виды, в частности тарханно-несудимые грамоты, освобождавшие их держателей от уплаты налогов и суда княжеских чиновников²⁴; эти акты стали прямой калькой с ханских жалованных грамот (например, тем же русским митрополитам). Более того, впоследствии московские цари сами стали направлять ярлыки правителям государств — наследников Золотой Орды! Так, известен целый ряд ярлыков Ивана Грозного правителям Сибирского ханства и Ногайской

²⁰ См. подробнее: *Шапшал С. М.* К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию : сборник статей. М. : Изд-во АН СССР, 1953. С. 304–316.

²¹ См. подробнее: *Беленицкий А.* К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в тимуридскую эпоху (XIV–XV вв.) (образование института «суюргал») // Историк-марксист. 1941. № 4. С. 43–58.

²² См. подробнее: *Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.* О статусе судей в Монгольской империи и ее улусах в XIII–XIV вв.

²³ В конце XVI — начале XVIII в. в Казахской степи и в Монголии почти одновременно появляется целая серия кодексов, базировавшихся на отдельных чингизидских постулатах, но больше — на обычном праве кочевников. Причиной их возникновения стало то, что эти государства уже не были «степными империями», и совокупность ханских подданных была относительно единой по этнической, религиозной, языковой принадлежности и образу жизни, а потому на них можно было распространить без каких-либо проблем и противоречий относительно единые нормы права, чего не могли себе позволить правители-Чингизиды в XIII–XV вв. См., в частности: *Кадырбаев А. Ш.* Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин // *Mongolica*. 2016. Вып. XVII. С. 30–34.

²⁴ См., например: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. / отв. ред. Б. Д. Греков. М. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 25, 42, 67, 81, 83, 91, 102 и др.

Орды. А Борис Годунов в 1600 г. специальным ярлыком возвел на трон Касимовского ханства (вассального России) казахского царевича Ураз-Мухаммада²⁵.

На Руси под властью Улуса Джучи действовали ордынские налоги и повинности, в том числе тамга, постой, воинская, охотничья, ямская и пр. Их применение в русских землях подтверждается ханскими ярлыками русской церкви, представители которой от уплаты этих налогов и несения повинностей, естественно, освобождались²⁶. А в более поздний период, как и в случае с ярлыками, некоторые налоговые институты были закреплены в русской практике (примером тому служит наличие таможен и ямских станций).

Применялся в Московском государстве и институт тарханства. Московские правители поначалу признавали налоговый иммунитет на основании ранее выданных ярлыков ханов Золотой Орды, Казанского ханства и пр. Формально данный институт был отменен Судебником Ивана IV, однако фактически продолжал признаваться и в дальнейшем²⁷. А в XVIII в. институт тарханов был возрожден: такой статус стал жаловаться башкирским и казахским подданным русских царей и императоров, существовавшим до середины XIX в.²⁸

Конечно, можно рассматривать все эти примеры как рецепцию ордынских институтов в общем контексте влияния Золотой Орды на зависимые русские земли. Однако полагаем, что если бы указанные нормы не получили распро-

странения и не продемонстрировали эффективность в период зависимости, то они вряд ли были бы реципированы уже после прекращения зависимости русских князей от Джучидов.

Другой пример сохранения институтов чингизидского права в более позднем государстве — практика персидских шахов из династии Сефевидов (1501–1736). Эти правители хотя и имели тюркское происхождение, но не считали себя наследниками прежних тюркомонгольских правителей Ирана и даже напротив — прямо противопоставляли себя им²⁹. Однако, обратившись к персидским трактатам об управлении уже XVIII в., мы с удивлением обнаруживаем, что в Сефевидском Иране продолжал взиматься чингизидский налог тамга, функционировали такие чиновники, как ячаулы и букаулы и т.д.³⁰

Некоторые элементы чингизидского права надолго пережили эпоху монгольского владычества в Китае — правда, как видится, преимущественно именно в отношениях китайских властей с теми же монголами. Так, маньчжурские императоры Китая из династии Цин (1644–1911) издавали грамоты для своих монгольских подданных, очень напоминавшие по форме и содержанию ханские ярлыки, о которых неоднократно говорилось выше³¹. А в пограничной администрации (в частности, на русско-китайской границе) функционировал чиновник «дзаргучей», несколько напоминающий монгольских дзаргучи, причем не только по названию: как и они, указанный чиновник

²⁵ Трепавлов В. В. Царские ярлыки. Наследие монгольской государственности в Московской Руси // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации : сборник материалов Международной научной конференции, Алматы, 21–23 ноября 2007 г. Алматы : Дайк-Пресс, 2008. С. 104–113.

Иронией судьбы стало то, что московский царь, преемник вассалов Золотой Орды (к тому же сам происходивший от ордынского мурзы, выехавшего на Русь), выдал ярлык потомку золотоордынских ханов!

²⁶ Памятники русского права. С. 465–466, 467, 469–470.

²⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. С. 248.

²⁸ См. подробнее: Почекаев Р. Ю. Чингизово право. С. 204–217.

²⁹ Причиной такого противопоставления стали, по-видимому, политические события: ведь Сефевиды постоянно воевали с чингизидскими правителями Средней Азии за спорные регионы, а в не менее постоянном противостоянии с Османской империей им приходилось воевать с другими Чингизидами — крымскими ханами Гиреями, вассалами османских султанов.

³⁰ Tadhkirat al-Muluk : A Manual of Safavid Administration (c. 1137/1725) / transl. and expl. by V. Minorsky. Cambridge : E. J. W. Gibb Memorial, 1980. P. 68, 75, 90, 137.

Самым любопытным открытием для нас стало наличие в сефевидском административном аппарате такого чиновника, как даруга. Этот термин монгольского происхождения имел персидский аналог — «шихне», который и применялся даже в Иране эпохи Хулагуидов, потомков Чингисхана. По какой-то причине Сефевиды отказались от исконного персидского термина, предпочтя его монгольский аналог.

³¹ См., например: Pang T. A. Manchiu-Mongolian Diploma Given to the Wife of a Mongolian Nobleman // Written Monuments of the Orient. 2015. No. 1. P. 78–86.

сочетал полномочия администратора и судьи низшей инстанции³².

Еще одно государство, которое никогда не находилось под властью потомков Чингисхана, — это Индия. Однако в XVI в. она была завоевана Бабуром — потомком чагатайского эмира Тимура (Тамерлана) по мужской линии и чагатайских ханов по женской. Неудивительно, что он и его потомки привнесли в систему государственности и права Индии чингизидские элементы: в административной сфере — ясаулов, в налоговой сфере — тамгу и пр., в земельных правоотношениях — институт суюргала и т.д.³³

Заключение

Завершая исследование, важно подчеркнуть, что чингизидское право в качестве *ius commune* в Евразии не было постоянным, и далеко не всегда все его основные элементы находили отражение во властных и правовых отношениях в том или ином государстве. Со временем многие из них замещались аналогами из национального, обычного или религиозного права, просто отмирали за ненадобностью, отменялись в связи с попаданием того или иного владения под власть другого государства. Наиболее долгим его действие было, по-видимому, в российских протекторатах — Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, в которых еще в начале XX в. правители издавали ярлыки, функционировали ясаулы, даруги и другие чингизидские институты³⁴. Однако в большинстве своем это было лишь данью традиции, призванной напоминать как собственным подданным, так и иностранным правителям, что местные правители — наследники великих властителей прошлого. Тем не менее столь длительное сохранение указанных

институтов демонстрирует, насколько глубоко проникло чингизидское право в систему отношений — да еще и в регионе, который задолго до монголов обладал собственными многовековыми и высокоразвитыми традициями в сфере власти, управления и правового регулирования.

Таким образом, по итогам анализа мы приходим к выводу, что чингизидское право может рассматриваться как *ius commune* средневековой Евразии. Его институты, принципы и нормы выполняли главную роль «общего права» — способствовали осознанию правителями и их подданными своего единства на основе общего монгольского имперского политико-правового наследия и обеспечивали возможность общения на одном юридическом языке за счет наличия единых видов источников права, институтов власти, управления, налогообложения и пр., причем как в содержательном аспекте, так и в формальном и даже терминологическом. И в этом отношении роль чингизидского права на евразийском пространстве можно сравнить с ролью римского права в средневековой Европе — с той, впрочем, очевидной разницей, что последнее регулировало в большей степени частноправовые отношения, тогда как сферой регулирования монгольского имперского права были преимущественно отношения публично-правовые.

Данная статья имела целью дать характеристику чингизидского права в качестве общего для средневековой Евразии и, как следствие, носила отчасти проблемно-постановочный, а отчасти, наверное, и обзорный характер. Полагаем, что многие аспекты, затронутые в настоящем исследовании, могут представлять интерес для самостоятельного, более детального изучения уже в рамках новых специальных научных работ.

³² См., например: Степанов А. П. Путешествие в Кяхту из Красноярск // Енисейский альманах на 1828 год. Красноярск : Поликор, 2008. С. 28, 29.

³³ Антонова К. А. Суюргал в акбаровской Индии (к вопросу о формах землевладения в средневековой Индии) // Ученые записки Тихоокеанского института. 1949. Т. 2. С. 149–176 ; Abul Fazl Allami. Ain i Akbari / transl. by H. Blochmann. 3rd ed. New Delhi : Oriental Books Reprint Corporation, 1977. Vol. I. P. 538, 727.

³⁴ См. подробнее: Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени // Труды Академии наук Таджикской ССР. Т. XXV. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. II. Сталинабад : Изд-во Академии наук Таджикской ССР, 1954.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. «Дастур ал-катиб» как источник по истории государства, права и канцелярской культуры Золотой Орды (на примере ярлыка о назначении эмира улуса) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 4. С. 770–798.
- Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. О статусе судей в Монгольской империи и ее улусах в XIII–XIV вв.: опыт междисциплинарного исследования // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 84–95.
- Аннерс Э. История европейского права : пер. со швед. М. : Наука, 1994. 397 с.
- Антонова К. А. Суюргал в акбаровской Индии (к вопросу о формах землевладения в средневековой Индии) // Ученые записки Тихоокеанского института. 1949. Т. 2. С. 149–176.
- Беленицкий А. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в тимуридскую эпоху (XIV–XV вв.) (образование института «суюргал») // Историк-марксист. 1941. № 4. С. 43–58.
- Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. 800 с.
- Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. М. : Нумизматическая литература, 2002. С. 9–55.
- Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. : Чингизидские жалованные грамоты. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. 136 с.
- Зограф И. Т. Монгольско-китайская интерференция : Язык монгольской канцелярии в Китае. М. : Наука, 1984. 148 с.
- Кадырбаев А. Ш. Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин // Mongolica. 2016. Вып. XVII. С. 30–34.
- Почекаев Р. Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М. : Юрлитинформ, 2015. 312 с.
- Почекаев Р. Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. 2-е изд., испр. и доп. Казань : Татарское книжное изд-во, 2022. 368 с.
- Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени // Труды Академии наук Таджикской ССР. Т. XXV. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. II. Сталинабад : Изд-во Академии наук Таджикской ССР, 1954. 75 с.
- Семенов А. А. Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов // Труды Академии наук Таджикской ССР. Т. XII. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. I. Сталинабад : Изд-во Академии наук Таджикской ССР, 1954. С. 39–83.
- Степанов А. П. Путешествие в Кяхту из Красноярска // Енисейский альманах на 1828 год. Красноярск : Поликор, 2008. С. 17–41.
- Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. СПб. : Евразия, 2017. 448 с.
- Темиргалиев Р. Казахские Чингизиды на престоле Хивинского ханства // Материалы международной научно-практической конференции «Мәңгілік Ел», посвященной 550-летию Казахского ханства (11 сентября 2015 г.). Астана : Мемлекет тарихы институты, 2016. С. 282–299.
- Трепавлов В. В. Царские ярлыки. Наследие монгольской государственности в Московской Руси // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации : сборник материалов Международной научной конференции, Алматы, 21–23 ноября 2007 г. / под ред. Л. Е. Масановой, Б. Т. Жанаева. Алматы : Дайк-Пресс, 2008. С. 104–113.
- Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1979. 318 с.
- Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций : Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. / сост. И. Б. Муслимов. М. : Инсан, 1996. С. 527–758.
- Шаймарданова З. Д. Письма ильханской канцелярии XIII в.: продолжение научной полемики // Отан тарихы. 2014. № 1. С. 91–100.
- Шапшал С. М. К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию : сборник статей / отв. ред. А. Н. Баскаков. М. : Изд-во АН СССР, 1953. С. 304–316.
- Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / факсимиле, пер.,

транскр., текстол. прим., исслед. В. П. Юдина ; коммент. и указ. М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата : Гылым, 1992. С. 14–56.

Biran M. Qaidu and the rise of the independent Mongol state in Central Asia. Richmond : Curzon, 1997. 197 p.

Morgan D. O. The «Great Yasa of Chingis Khan» and Mongol Law in the Ilkhanate // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1986. Vol. XLIX. No. 1. P. 163–176.

Pang T. A. Manchiu-Mongolian Diploma Given to the Wife of a Mongolian Nobleman // *Written Monuments of the Orient*. 2015. No. 1. P. 78–86.

REFERENCES

Abzalov LF, Gatin MS, Mustakimov IA, Pochekaev RYu. «Dastur al-katib» as a source on the history of the state, law and clerical culture of the Golden Horde (case study of iarlyk on the appointment of the emir of the ulus). *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2022;10(4):770-798. (In Russ.).

Abzalov LF, Gatin MS, Mustakimov IA, Pochekaev RYu. On the status of judges in the Mongolian Empire and its Uluses in the 13th–14th centuries: The experience of interdisciplinary research, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Tomsk State University Journal. History]*. 2024;90:84-95. (In Russ.).

Anners E. The History of European Law. Transl. from Swedish. Moscow: Nauka Publ.; 1994. (In Russ.).

Antonova KA. Suyurgal in Akbar's India (on Land Ownership forms in Medieval India). *Uchenye zapiski Tihookeanskogo instituta*. Vol. 2. 1949. P. 149–176. (In Russ.).

Belenitsky A. On the history of feudal land ownership in Central Asia and Iran in the Timurid era (14th–15th centuries) (formation of the Institute «suyurgal»). *Istorik-marksist*. 1941;4:43-58. (In Russ.).

Biran M. Qaidu and the rise of the independent Mongol state in Central Asia. Richmond: Curzon Publ.; 1997.

Gaev AG. Genealogy and chronology of the Jochids. To clarify the genealogy of the numismatically recorded rulers of the Jochi Ulus. In: *Antiquities of the Volga region and other regions*. Iss. IV. Numismatic collection. Vol. 3. No. 4. P. 9–21. (In Russ.).

Grigoriev AP. Mongolian diplomacy of the 13th–15th centuries: Chinggisid charters. Leningrad: Publishing house of Leningrad University; 1978. (In Russ.).

Kadyrbaev ASH. The steppe law monuments Zhety-Jargy, Ikh Tsaz, and Caajin Bichik, and the cultural interrelations of the Oirats, Kalmyks, and Khalkhas with the Kazakhs during the Qing era. *Mongolica*. Iss. XVII. 2016. P. 30–34. (In Russ.).

Khudyakov MG. Essays on the history of the Kazan Khanate. In: Muslimov IB. At the junction of continents and civilizations: From the experience of the formation and collapse of empires of the 10th–16th centuries. Moscow: Insan Publ.; 1996. P. 527–758. (In Russ.).

Morgan DO. The «Great Yasa of Chingis Khan» and Mongol Law in the Ilkhanate. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1986;XLIX(1):163-176.

Pang T. A Manchiu-Mongolian Diploma Given to the Wife of a Mongolian Nobleman. *Written Monuments of the Orient*. 2015;1:78-86.

Pochekaev RYu. Genghis Law: The legal legacy of the Mongol Empire in the Turko-Tatar Khanates and the States of Central Asia. 2nd ed., rev. and suppl. Kazan: Tatar Book Publishing House; 2022. (In Russ.).

Pochekaev RYu. The legal culture of the Golden Horde (historical and legal essays). Moscow: Yurlitinform Publ.; 2015. (In Russ.).

Semenov AA. An outline of the structure of the central administrative administration of the Bukhara Khanate of later times. In: *Proceedings of the Academy of Sciences of the Tajik SSR*. Vol. 24. Materials on the history of the Tajiks and Uzbeks of Central Asia. Iss. II. 1954. (In Russ.).

Semenov AA. Sheibani Khan and the Conquest of the Timurid Empire. In: *Proceedings of the Academy of Sciences of the Tajik SSR*. Vol. 12. Materials on the history of the Tajiks and Uzbeks of Central Asia. Iss. I. 1954. P. 39–83. (In Russ.).

Shaimardanova ZD. Letters from the Ilkhan Chancellery of the 13th century: Continuation of the scientific controversy. *Otan tarikh*. 2014;1:91-100. (In Russ.).

Shapshal SM. On the question of tarkhan iarlyks. In: To Baskakov AN, (ed.). Academician V.A. Gordlevsky on his seventieth birthday. A collection of articles. Moscow: Izd-vo IGI N SSSR; 1953. P. 304–316. (In Russ.).

Stepanov AP. Journey to Kyakhta from Krasnoyarsk. In: *The Yenisei Almanac for 1828*. Krasnoyarsk: Polikor Publ.; 2008. P. 17–41. (In Russ.).

- Sultanov TI. Chingis Khan and the Chinggisids. Crowds and Power. St. Petersburg: Evrazia Publ.; 2017. (In Russ.).
- Temirgaliev R. Kazakh Chinggisids on the throne of the Khiva Khanate. Proceedings of the international scientific and practical conference «Mangilik El» dedicated to the 550th anniversary of the Kazakh Khanate (September 11, 2015). Astana: Memleket tarikh Institute; 2016. P. 282–299. (In Russ.).
- Trepavlov VV. Royal charters (iarlyks). The legacy of Mongol statehood in Muscovite Rus'. In: The contribution of nomads to the development of world civilization. In: Masanov LE, Zhanaev BT, (eds.). Proceedings of the International Scientific Conference, Almaty, November 21–23, 2007. Almaty: Daik-Press; 2008. P. 104–113. (In Russ.).
- Usmanov MA. Charters of grant of the Ulus of Jochi, 14th–16th centuries. Kazan: Publishing house of Kazan University; 1979. (In Russ.).
- Vladimirsky-Budanov MF. An overview of the history of Russian law. Moscow: Territoriya budushchego Publ.; 2005. (In Russ.).
- Yudin VP. Hordes: White, Blue, Gray, Gold... Utemish-haji. Chingis-nama. Facsimile, translation, transcription, textual notes, and study by Yudin VP; comment. and index by. Abuseitova MKh. Alma Ata: Gylym Publ.; 1992. P. 14–56. (In Russ.).
- Zograf IT. Mongolian-Chinese interference: The language of the Mongolian Chancellery in China. Moscow: Nauka Publ.; 1984. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Почекаев Роман Юлианович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
д. 16, ул. Союза Печатников, г. Санкт-Петербург 190121, Российская Федерация
pochekaev@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman Yu. Pochekaev, Dr. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, HSE University, St. Petersburg, Russian Federation
pochekaev@hse.ru

*Материал поступил в редакцию 17 июля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 9 августа 2025 г.
Принята к печати 15 августа 2026 г.*

*Received 17.07.2025.
Revised 09.08.2025.
Accepted 15.08.2026.*